

Kolejka, Josef

Введение

In: Kolejka, Josef. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 9-35

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119619>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ВВЕДЕНИЕ

В чехословацкой историографической литературе в последние годы уже несколько раз указывалось на шовинистские взгляды западно-германской публицистики относительно участия славянских народов во Второй мировой войне. Общая борьба славянских народов против нацистской Германии под руководством Советского Союза была, по их мнению, „славянско-советским империализмом“, продолжением „старой панславистской агрессии“ против „исконных немецких восточных территорий“. Воскрешая заново призрак панславизма,¹ историки Западной Германии стремились убедить западно-европейскую и американскую общественность в том, что именно Западная Германия, точнее, ее бундесвер является единственным „оборонеспособным звеном“ против „славяно-советского блока“

Целью этой клеветы и других ей подобных, таких, как, например, жалобы о „страданиях“ немцев во время войны и после нее, было стремление отвлечь внимание общественности от злодеяний преднамеренно совершенных и задуманных немецкими оккупантами во время Второй мировой войны. Таким образом оправдывается или еще должно быть обосновано право реваншистских лозунгов „Breslau, Eger, Stettin und andere Städte werden wieder deutsch“!

Сотрудничество славянских народов в период Второй мировой войны, организованное Всеславянским комитетом в Москве, разумеется, никакой „панславистской агрессии“ не представляло. Так называемое новое славянское движение периода Второй мировой войны ни в каком отношении не было связано со старой нереальной и реакционной программой панславизма. Наоборот, оно уходило своими корнями в прогрессивное наследие деятельности старшего поколения славянских ученых, литераторов и общественных деятелей, стремящихся к сотрудничеству между славянскими народами на основе равноправия и взаимопомощи в борьбе за национальное освобождение и за государственную независимость. Союз славянских народов, возглавляемый Советским Союзом, и их солидарности в борьбе с нацистской Германией и ее фашистскими пособниками ни в коей мере не были какой-то „особой тактикой“ коммунистических партий славянских

народов. Поляки, чехи, словаки, сербы, словенцы, хорваты а также и болгары в результате жестокого режима нацистов буквально были вынуждены совместно бороться с нацистскими оккупантами.

Весь мир имел возможность убедиться в нацистских злодеяниях, совершенных в течение Второй мировой войны. Историки Советского Союза Польши, Чехословакии и Югославии собрали дополнительные данные о том,² что совершенные преступления и еще более ужасные планы злодеяний, направленные против славянских народов, были делом рук не только руководящей клики гитлеровской партии (НСДАП), а что о них знали — и более того — даже выдвигали их и низшие звенья нацистской партии, государственной администрации и вермахта. При этом, разумеется, считались с содействием „фольксдойчев“ и с представителями немецкого национального меньшинства в Чехословакии, в Польше и в других странах.³

Буржуазная историография и журналистика Западной Германии играют на Западе значительную роль. С момента возникновения НАТО западно-германское правительство влияет на своих союзников, что учебники для средних школ должны были рассказывать школьникам Франции, Англии, Бельгии и других стран, входящих в этот блок, не только об „атлантическом содружестве“ их стран со Западной Германией, но и о „панславистской опасности“, и об „исконно немецких восточных территориях“, якобы захваченных в настоящем Польшей, Советским Союзом и Чехословакией. Эти факты ясно доказывают, какое большое значение имеет правильное решение вопроса о солидарности славянских народов не только в период Второй мировой войны, но и в 20 веке вообще.

Клеветы западно-германской публицистики относительно „славяно-советского империализма“ (речь идет, собственно говоря, о видоизменении более ранних аргументов идеологов „великой Германии“, теории о „захватническом“ панславизме или панрусизме) не являются для нас единственным толчком и причиной к последующим размышлениям о вопросе славянской взаимности и солидарности, и к объяснению и оценке деятельности Всеславянского комитета в Москве в 1941—1945 гг.

Нет необходимости доказывать, что политическая актуальность или неактуальность определенной темы не должна быть решающим моментом при очередности их решения исторической наукой. Так или иначе возникла бы потребность в создании работы на тему о развитии „славянской идеологии“ в современности. И, собственно говоря, только в настоящем, когда основой сближения и сотрудничества славянских и неславянских народов в средней и юго-восточной Европе является пролетарский интернационализм, марксизм-ленинизм, можно дать оценку развития идеи славянской взаимности вплоть до периода деятельности Всеславянского комитета во время

Второй мировой войны и после завершения его деятельности, не подаваясь патриотическим настроениям 1945—1948 гг.

Последние работы о чехословацко-советских, чехословацко-польских и чехословацко-болгарских отношениях, и, кроме того, результаты конференций о роли славянских идей в истории чехов и словаков (напр. конференция в Братиславе в 1959 г.) и других подобных им дискуссий (конференция в Опаве в июне 1960 года об идее славянской взаимности в чешско-польских отношениях; в декабре 1961 года конференция о чехословацко-русских или чехословацко-советских отношениях в Братиславе)⁴ дают возможность создать синтетическую работу по истории идей славянской взаимности даже в современности. Пока, конечно, с точки зрения истории чехов и словаков, или точнее говоря, на основе местных источников, с учетом результатов советской, польской, югославской и болгарской историографии.

Вопросами солидарности славянских народов в период Второй мировой войны до сих пор занимались в своих статьях, написанных по разным случаям, В. Гуса и Й. Грозиевич (о Всеславянском комитете в Москве).⁵ О дружбе и союзе славянских народов со советскими народами существует уже богатая литература. Начало развиваться систематическое исследование также о чехословацко-польских отношениях, некоторые статьи (разные по объему) касаются чехословацко-югославской и чехословацко-болгарской солидарности. Хотя наш исследовательский базис еще далеко не изчерпан даже в работах над „традиционными“ темами (русофильство), все-таки в настоящее время нам известно уже достаточно о сотрудничестве славянских народов в борьбе против гитлеровской Германии.

В настоящее время необходимо, главным образом, установить, как идея славянской солидарности становилась девизом руководящих звеньев в борьбе против оккупантов (распространение которой было в интересах и других поработанных неславянских народов и всей антигитлеровской коалиции вообще). А так как в трудах западных авторов утверждается с весьма прозрачной целью, что идею славянской солидарности начал распространять Советский Союз только после июня 1941 года,⁶ то необходимой предпосылкой полного объяснения и оценки так называемого нового славянского движения во время Второй мировой войны является изучение всех проявлений славянофильства в довоенный период, особенно в 30 гг. Именно тогда, когда нацистская партия захватила власть, опять появилась идея славянской солидарности как девиз обороны против угрозы нацистского „похода на восток“.

Уже довоенные исследователи предупреждали в Чехословакии, Польше и в Советском Союзе о связи размаха пропаганды идей славянской солидарности с возникновением опасности германской агрессии против Чехословакии, Польши и против „Востока“ вообще. Уже до войны указывалось на

непрерывность развития немецкой антиславянской идеологии, начиная с деятельности правого крыла великогерманского движения с середины 19 века, продолжая идеологами немецкого империализма в конце 19 и в начале 20 веков вплоть до глашатаев нацистского расистского антиславянского шовинизма.⁷ Опасность немецкого фашизма буквально заставляло патриотическую часть буржуазно-демократических групп и также коммунистов упоминать о передовых традициях славянской взаимности и лозунгами идей славянской солидарности и способствовать росту движения к обороне страны и против фашизма.

Идея „взаимности“ славянских народов возникала в период наступления капитализма сначала как проявление этнического родства славян и как средство к углублению усилий за их „возрождение“. Постепенно, славянская идея становится и политической программой зараждающегося национально-политического движения славянских народов, стремящихся к национальному равноправию и позже к государственной независимости. Из анализа о положении славянских народов начиная с конца 18 века вытекает, что их стремление к равноправию или же к государственной независимости (поляки, сербы, болгары) было закономерным процессом, проходящим сначала в более развитых странах западной Европы, потом в раздробленной Германии, в разделенной Италии и т. д.

Хотя формы идеологии народов восточной Европы (точнее говоря средней, юго-восточной и восточной Европы) обладали определенными особенностями, обусловленными, главным образом, замедленным развитием Востока, они все же не были совсем чем-то совершенно другим, чем формы идеологии на Западе. И тоже „взаимность“ не была специфическим явлением только славянских народов. Она, в сущности, является результатом общего развития европейской идеологии конца 18 и начала 19 вв. И нельзя тут говорить об односторонней зависимости от „немецкого“ романтизма (некоторые немецкие исследователи даже доказывают, что только Гердер научил славянские народы взаимности!). Мы признаем значение „*Stimmen der Völker*“ Гердера и особенно его „*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*“ (1784) для роста национального самосознания, напр., чехов. Сознание этнического родства славянских народов возникало у чехов, поляков, южных славян, и собственно говоря, также у русских, давно до Гердера. В период „романтизма“ с конца 18 в. — превращалось это сознание родства в „славянскую идеологию“, выражающую мечты несвободных и раздробленных славянских народов.

Оценивая положение славянских народов, мы осознаем, что неравноправными были в первой половине 19 века тоже греки, итальянцы, румыны и, собственно говоря, также венгры. Абсолютистический строй Франца I и Меттерниха преследовал, впрочем, также демократические настроения

немецкого (австрийского) народа. Необходимо еще добавить, что рождающаяся буржуазия славянских народов, зачастую по собственной вине, упустила благоприятные для нее моменты революционного 1848 года. Известно также, какую реакционную роль сыграла царская Россия, замышляющая выступить уже против французской революции 1830 года. Европейская демократия полным правом ненавидела царизм, этого жандарма Европы 40 гг. Необходимо добавить, что европейские династии сами стремились обеспечить свое господство при помощи царской России. Именно поэтому удивлялся Добролюбов: „Как могла Европа терпеть подобного нахала, который ей преграждал всеми силами путь к усовершенствованию?“⁸

Подобно тому, как немецкие прогрессивные историки объясняют своему народу шовинизм и агрессивные намерения великогерманских и пангерманских идей, и мы должны в свою очередь раскрывать реакционность разных панславистских намерений, хотя у панславизма нет такой целостной идеологии или программы, какую выработали в свое время в Германии Лагард (Lagarde) и особенно П. Рорбах (Rohrbach) и Ганс Дельбрюк (Hans Delbrück), и наконец, нацисты. Однако, все-таки и у славян были свои шовинисты; в прошлом это были русские панслависты со своей идеей „третьей (т. е. славянской) цивилизации“. Данилевский хотел образовать „общеславянскую федерацию“ совместно с венграми, румынами, греками и турками. Еще в 20 веке предлагали некоторые фантасты общий „общеславянский язык“ и общее славянское государство (по-чешски Věslávie). Некий Мусиялек издал в Польше в 1934 году книгу с проектом „общеславянского государства“. Даже во время Второй мировой войны хотел бывший друг Пильсудского генерал Л. Желиговский восстановить „Zaropniane prawdy“ (так называлась его книга) о „славянской федерации“.

Эти и другие им подобные взгляды были, правда, обусловлены или провозглашены великогерманскими идеологиями того времени (Данилевский писал свой труд во время немецкого вмешательства в положение Австрии; Желиговский, в свою очередь, давал отповедь на нацистские злодеяния), тем не менее это были реакционные, или, по крайней мере, нереальные взгляды, которые не принимали во внимание существующее положение и отношения между славянскими народами. Поэтому нельзя удивляться, что ни взгляды Мусиялека, ни Желиговского не имели никакого резонанса.

Известно, что каждый из славянских народов формулировал свою „славянскую идею“. Чехи стремились в первую очередь вызвать национальное самосознание в Моравии (устранить одновременно антinationальный моравский сепаратизм) и соединиться со словаками в национальном отношении; целью стремлений южных славян было соединение сербов, хорватов, словенцев и даже болгар. Между тем как чехи и словаки и южные славяне

искали идейную помощь у „великого русского народа“, поляки, наоборот, в своих стремлениях восстановить государственную независимость, видели в царской России, прежде всего, своего главного врага.

Собственно говоря, среди славянских народов возникали различные концепции „славянской“ или „европейской“ политики, или даже возникли между ними и споры. Поляки упрекали чехов в русофильстве (демократические поляки с другой стороны упрекали их в австрофильстве), чехи же укоряли поляков в их антирусских чувствах. Поляки и сербы были несогласны с чешским и хорватским австрославизмом 1848 года и 60 лет спустя поляки и украинцы были несогласны с чешским и русским неославизмом, антиавстрийская лояльность которого, в конце концов, огорчила и сербов. Великосербские замыслы не понравились хорватам и особенно болгарам. Споры между сербами и болгарам о Румелии и главным образом о Македонии (которая оставалась долгое время под господством Турции) кончились войнами: в 1885 году, в 1913 году, в 1915 году, и, к сожалению, также в 1941 году. Чехи и поляки с другой стороны начали спорить, начиная с 60-х—70-х годов прошлого столетия, из-за Тешинской Силезии. Тогда, как русско-украинские и русско-белорусские отношения были в основе решены Октябрьской революцией, в период между двумя мировыми войнами осложнились польско-украинские отношения, углублялись враждебные отношения между Чехословакией и Польшей и между Югославией и Болгарией. В данном случае шла речь о различных концепциях „славянской идеи“, не только о определении границ, но и гегемонии в средней или юго-восточной Европе.

*

Как видно, изучение идеи славянской солидарности требует глубокого знания широких европейских связей. „Международный аспект“ этого изучения определяется также интересом западной Европы к славянским народам начиная с конца 18 века, или, точнее говоря, опасениями западного мира перед мнимыми агрессивными целями России против средней и юго-восточной Европы, позже стремлениям Франции и Англии к использованию движения главным образом западных славян против царской России или против габсбургской Австрии и Германии.

Как уже было сказано, многочисленные немецкие „романтики“ конца 18 и начала 19 веков занимали по отношению к славянам весьма благоприятную точку зрения. Ведь Копитар в своей „Грамматике славянского языка“ („Grammatik der slavischen Sprache“) в 1808 году похваливал: „Как славяне должны быть рады, что их язык изучают и хвалят величайшие мужи Германии.“ Вообще надо добавить, что во взглядах на немецко-славянские отношения не отсутствовали ни с немецкой стороны (Gebhardi,

Schlözer, Giesebrecht, Barthold), ни со стороны славян (Dobrovský, Šafařík, Surowiecki, Lelewel) выражения взаимного понимания и почтения. Но уже в 1837 году Коллар с полным правом жалуется на то, что современные немецкие историки не приписывали славянам „совершенно никакую или только подчиненную роль на сцене мира и только второстепенное определение и второстепенное место среди других европейских народов“. Жалобу Коллара на немецких историков, которые утверждали, что славяне „вряд ли заслужают внимание историков“, ⁹ подтвердил еще недавно польский буржуазный историк, в настоящее время получивший гражданство США, Оскар Галецкий, который предупредил, что со времени Ранка европейская историография игнорирует народов средней и юго-восточной Европы.¹⁰

Тогдашние течения немецкой историографии недооценивания исторической роли и положения славянских народов, в настоящем у некоторых авторов постепенно переходили в шовинистическое понимание славян как „более низкой расы“ и в распространение ненависти к ним, так, как это сделали в своих трудах университетские философы Майнлендер, Е. Гартманн (Mainländer, Hartmann) и в разных сентенциях историки Трейтшке и Моммзен (Treitschke, Mommsen). И собственно говоря, уже в 1816 году указывал некий Клеббельберг на „русскую опасность“, которая угрожает Австрии и Пруссии.¹¹ Немецкие газеты вообще (и в Австрии) в первой половине 19 века очень часто писали о России и о славянском, (чешском) русофильстве. Труд „История славянской литературы“ („Geschichte der slavischen Literatur“) Шафарика привлек внимание немецких ученых, но одновременно „вызвал страх в лагере германофилов“ — вспоминал позже Й. Е. Воцель.¹² „В немецкой печати начали раздаваться голоса вражды и ненависти к славянам, особенно к чехам, причиной чего была великая Россия“.

После выступления Коллара (издавшего „Дочь Славы“) и после написания „Истории чешского народа“ Палацким возникло „острое сопротивление предубежденных сторонников германской славы“ и „с тех пор в немецкой печати появлялись все чаще страстные выпады против чешского народа... Призрак мегаломании политического панславизма начал показываться немецким журналистам и они же откровенно указывали на тайные козни чехов против австрийского правительства; в заграничных журналах, особенно в «Аугсбургских общих газетах» (Augsburger Allgemeine Zeitung) указывалось также на симпатии западных славян к русскому великану“.¹³

Из мемуаров Воцеля можно установить, что это были статьи 1839 по 1840 гг. и последующего периода, в которых немецкие авторы жаловались на чешскую „русоманию“. Нельзя здесь перечислять все данные, о которых вспоминает Воцель и другие чешские культурные и политические деятели домартовского периода (1848 г.). Припомним еще снискавшую печальную известность своей антиславянской ненавистью книгу М. В. Геффера (M. W.

Heffter) „Der Weltkampf der Deutschen und Slaven seit dem Ende des fünften Jahrhunderts“ (1847).

К ложным обвинениям австрийских славян в „панславизме“ присоединялись в 30—40 гг. прошлого столетия и некоторые венгерские публицисты. Даже в немецкой литературе предупреждают об антиславянском шовинизме венгерских радикальных националистов, которые считали, что после падения Польши Венгрия призвана стать форпостом Запада против „варварской России“. Известный Пульский (Pulszky) „предостерегал“ тогда немцев от Дамоклова меча, которым угрожают чешские крестьяне, в домах которых, по его словам, повсюду висят портреты „ужасного царя“.¹⁴

Западная Европа получала информацию о „панславизме“ от немецких публицистов, но имела и своих собственных „корреспондентов“. Англичанин О. Гольдсмит (Goldsmith) усматривал уже в 1762 году „в русской империи прирожденного врага западной Европы“.¹⁵ Знания французских энциклопедистов о славянах были относительно довольно объективны, но укрепление России в 1815 году вызвало во Франции и в западной Европе вообще опасения, что Россия намеревается продвинуть свои границы на западе. К причинам, которыми мы объясняем симпатии западной Европы к польским восстаниям против России 1830 года принадлежит, несомненно, и ненависть к России. Западная Европа тогда не видела, что поляки в гораздо большей мере страдают от гнета Пруссии. В Англии Томас Аттвуд (Thomas Attwood) в 1838 году писал лорду Дадлею (Dudley) о необходимости восстановить Польшу и начать войну против России (действовал, бесспорно, страх из дальнейших акций России в Европе и Азии). Опасения за то, что поколеблется безопасность господства Англии в Индии значительно повлияли на распространение предупреждений о „панславистской опасности“. В Англии пугал „панславизмом“ Джон Бауринг (John Bowring) (Коллар в своем путешествии 1843 года говорит и о других), во Франции же писали против „русского честолюбия“ аббат-гувернер де Прадт и особенно А. де Кюстин (A. de Custine).

Необходимо указать на факт, что западная Европа черпала информацию не только от польских эмигрантов, а также от русских. Труды поляка Гуровского „La verité sur la Russie“ (1834), „La civilisation et la Russie“ (1840) и главным образом книга „Le panslavisme“ (1848) или книга К. Гольдмана (Goldmann) „Die europäische Pentarchie“ (1839) восстанавливали в западной Европе „общественное мнение“ против России. Также Герцен рисовал картину тогдашней царской России (в книге „С того берега“) темными красками.

Во Франции после 1830 года постепенно переходили от симпатий к полякам к предложениям использовать их движение в качестве „малого панславизма“, направленного против „панрусизма“. Надо добавить, что во

Франции существовала также симпатизирующая с Россией публицистика. Известный труд Е. Шарриер (E. Charrière „La politique de l'Historie“ (1841/1842) также действовал отчасти в интересах русских своей направленностью против „деспотического союза“ Пруссии, Австрии и России и своим предложением „общего мира славянской пентархии“.¹⁶ С симпатиями писал о славянах (по его словам славяне являются „омолаживающей силой“ для Европы) С. Роберт (C. Robert), который в своей книге „Le deux Panslavismes“ предлагал поддерживать западных славян против России. В своей книге „Panslavism and Germanism“, изданной в Лондоне в 1848 году, поляк В. Красиньский предлагает западным правительствам стремиться к созданию единства западных (католических) славян против России. Германия (с немецкой частью Австрии и Дунайская конфедерация поляков, чехов, венгров и румын могли бы потом образовать торговый или же политический союз.

Антирусские цели преследовала западная публицистика в своих анализах „славянского вопроса“ также в 50 гг., что было вызвано участием Англия и Франция в Крымской войне. Тогда начала интересоваться Россией и „панславизмом“ также Америка. Демократическая газета „New York Daily Tribune“ заказала в 1851 году статьи о европейской политике Марксу. В эту газету писал также Энгельс. В той же газете Маркс и Энгельс дали сокрушающую критику австрославизма чехов и хорватов и русского панславизма. Буржуазные (немецкие) авторы трудов о „панславизме“ охотно цитируют высказывания Маркса и Энгельса о славянских народах 50-х гг. Однако Маркс и Энгельс преувеличили свою критику позиций славянских народов в событиях 1848—1849 годов и их надежды помощи со стороны России.¹⁷ Энгельс позже искренне радовался развитию социалистического движения славянских народов.¹⁸ И в дальнейшем, однако, Маркс и Энгельс критиковали и после 1870 года внутреннюю и внешнюю политику России, при чем опять преувеличили значение России как главного оплота европейской реакции. После Крымской войны (1855 г.) и после русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) престиж царя значительно упал. К сожалению, лидеры немецкой социал-демократии переняли некоторые заключения Маркса и Энгельса о царской России и о „панславизме“ и повторяли их вплоть до первой мировой войны. В. Либкнехт даже осуждал в 80 гг. прошлого столетия национально-освободительное движение балканских славян (считая, что это движение является фикцией и что оно вызвано царской Россией) и симпатизировал Турции.¹⁹

В некоторых работах западно-европейских публицистов о России в 50 гг. слышится новый тон: страх перед революционной Россией. Уже антиреволюционный мыслитель Жозеф де Мэстр (Joseph de Maistre), который познакомился с Россией во время пребывания в Петрограде в 1802 по

1815 годах, с опасением заглядывал будущее России. В православии не видел достаточно консервативную силу, которая могла бы сохранить государство в случае появления второго интеллектуального Пугачева. В 1851 году французский республиканский историк Жиль Мишеле (Jules Michelet) указывал на опасность русской пропаганды, которая, по его словам, освобождает в Польше крестьян от помещиков и южных славян от турок. Русская пропаганда, де, вчера говорила: „я христианство“ — а завтра скажет: „я социализм!“²⁰ Также немецкий писатель Ф. Боденштедт (F. Bodenstedt), который работал продолжительное время в России, по возвращении в Германию (1854 г.) распространял опасения революции в России, которая сотрясла бы старую Европу еще сильнее, чем когда-то французская революция. Эрнст Кёрдеруа (E. Coeurderoy) в 1852—1854 гг. смотрел на Россию как на „варварскую страну“, которая, однако, своими казачками будет содействовать уничтожению „изнеженной расы“ западной Европы.

Это, однако, были только редкие голоса. В западной публицистике преобладали и в дальнейшем общие отрицательные оценки русского абсолютизма и деспотизма, при чем некоторые авторы были готовы считать „борьбу немецкой демократии против московского панславизма борьбой передовой цивилизации против варварства“ — как сказал Пьер Жозеф Прудон (Pierre Joseph Proudhon) в 1848 году. И Джузеппе Маццини (G. Mazzini) не хотел в 1848 году допустить возможность смены тогдашних правителей славянских народов русским царизмом, хотя с другой стороны был согласен с образованием славянского федерального государства с центром в Константинополе (Царьграде)! Еще в 1871 году Маццини предупреждал перед „русским панславизмом“, который хочет превратить европейцев в „казаков“.²¹ Жиль Мишеле в 1871 году зашел так далеко, что призывал даже немцев к общим действиям против „варварского мессии“, против Александра II! Подобно ему, и другой французский историк Анре Мартен (Henry Martin) в своей работе „La Russie et l'Europe“ (1866) призывал к единству Европы — против России. Неизвестный польский аноним издал в 1870 году в Страсбурге небольшой трактат „Panslavismus im Gegensatz zum Allslawentum und die politische Bedeutung der polnischen Bevölkerung“, в котором предупреждал немцев не угнетать славян и не вгонять их таким образом в объятия России.

Из сказанного вытекает, что западно-европейская публицистика различала „русский панславизм“ и „славянское движение“, предже всего движение поляков, о которых были написаны после 1863 года опять сотни больших и малых работ. После 1867 года французская политическая печать чаще обращала внимание также на движение чехов.²² Может быть, что уже начала сказываться инициативность чешских деятелей (Ригер в Париже!). Вкратце можно сказать, что французы стремились, чтобы Чехия не

стала ни „форпостом славяно-татарской империи“ (!), ни не попала в господство Пруссии. Нельзя удивляться, что вторжение прусских войск во Францию в 1870 году еще усилило интерес Франции к славянам. Эрар де Шуазёл Гуфтие (Erard de Choiseul-Gouftier) предупреждал после 1870 года о русско-пруссских замыслах овладеть Европой и предлагал правительству использовать движение западных славян. Также Эрнст Ренан (Ernest Renan) доказывал в 1871 году необходимость использования славян против Германии. Даже в России тогда начали раздаваться голоса за союз с Францией против Германии (Данилевский, Фадеев). Бизмарку, правда, удалось помешать сближению России с Францией (в 1872 году был в Берлине заключен „союз трех императоров“), но тем не менее во Франции с тех пор стали следить за развитием немецко-славянских отношений. Антиславянское направление немецкой публицистики 70-х—80-х годов переставало быть источником известий о „панславизме“, и, наоборот, во Франции иногда его понимали как свидетельство временного русско-прусского сближения, к которому стремилась партия Бисмарка. Во Франции в это время начали замечать в высказываниях некоторых немецких авторов виды на мировое господство. Например, взгляды австрийца Ганса фон Перталера (Hans von Perthaler) в 1852 году о расширении сферы немецкой политики до границ России и Франции и о решающей роли Германии в средней Европе, наверно, не могли вызывать во Франции приятные чувства. Произведения Майлендера, Гартманна, Трейтшке, Лагарда, Моммзена и других (Mainländer, Hartmann, Treitschke, Mommsen), в которых утверждалось, что „славяне погибнут“ и что „Россия должна стать немецкой колонией“²³ и также новая волна антиславянского шовинизма в Венгрии в 70—80 гг.²⁴ не имели на Западе такого успеха, как тогда-то в половине 19 века.

Благоприятные взгляды западной публицистики на нужды и цели отдельных славянских народов и славян вообще, однако, не вытекали из какого-то прославянского альтруизма западно-европейских политиков. Французская публицистика, например, уже в 50-х годах относилась очень благоприятно к „прогрессивной Германии“, во Франции, однако, одновременно раздавались некоторые опасения объединительных немецких стремлений. И именно из опасений „великой Германии“ поддерживала Франция (при Наполеоне III) Габсбургов и согласилась также с австрийско-(немецко)-венгерским соглашением 1867 года. Уже до 1871 года писали Е. Пико (É. Picot), Л. Леже (L. Leger), А. Лефевр (A. Lefèvre) и др. статьи анти-немецкого характера и одновременно с определенными симпатиями к славянам. Е. Курьер (E. Courrière) писал в 1879 году: „При современных политических условиях (немецко-французских отношений — Й. К.) мы должны в настоящем славян любить!“²⁵

С 80-х годов проникали в западно-европейскую публицистику тоже

взгляды представителей славянских народов (из чехов, например, Масарик и Крамарж). Прекращалась, особенно во Франции, русофобия и постепенно на Западе крепло (в связи со стремлением к политическому сближению с Россией) благоприятное отношение к славянскому миру — в произведениях А. Леруа-Болие (A. Leroy-Beaulieu, „La France, la Russie et l'Europe“, 1888), Е. Дени, Ш. Луазо, Ж. Анселя, Жовена, Шерадама (E. Denis, Ch. Loiseau, J. Ancel, Gauvaine, Chéredam — „L'Europe, et la question d'Autriche, 1901), Фюрноля, Ейзенманна (Furnol, Eisenmann) (который после первой мировой войны руководил журналом „Le monde Slave“), Омона и других (Haumont). В Англии, главным образом, в 70 по 80 гг. и особенно в Италии и Румынии, правда, еще ревниво писали о „панславизме“, но Францию уже не так легко могли убедить немецкие авторы в том, что Европе угрожает „опасность агрессии“ со стороны России и славян вообще. Французские авторы Леви—Брюль (Levy—Brühl, L'Allemagne depuis Leibnitz) и Луазо (H. Loiseau, Le pangermanisme) потом отвергли теорию „вынужденного права“ (Notrecht), на основе которой идеологи немецкого империализма делали заключения о необходимости „обороны“ Европы и Германии перед „панславистской опасностью“ и на которую ссылались в своих планах агрессии против Востока. С симпатиями писал о „общеславянской идее“ Луи Лежер (Louis Leger) в книге „Le panslavisme et l'intérêt français“ (Paris, 1917). В первые послевоенные годы вообще было непредставимо, чтобы западно-европейская общественность приняла взгляды книги А. Фишеля (Fischel): „Der Panslawismus bis zum Weltkrieg“ (1919). В этом произведении доказывалось, что в развязании первой мировой войны „виновата Россия и панславизм вообще“. Нацистская историческая, юридическая и „геополитическая“ литература своим антиславянским расизмом вызывала отвращение у части западно-европейских специалистов.

Надо, однако, знать, что некоторые выражения симпатии к славянским народам в западно-европейской публицистике (в Англии главным образом Р. В. Ситн-Уотсон — R. W. Seton-Watson и В. Стид — Steed) отражали собственную антинемецкую позицию французской или английской буржуазии. Особенно у некоторых французских авторов периода первой мировой войны и послевоенного периода (Ch. Andler „Les origines du Pangermanisme 1800—1888“ а „Le Pangermanisme Continental sous Guillaume II. 1888—1914“) совершенно очевидная националистическая и даже шовинистическая концепция.

У нас полным правом указывал Курт Конрад в „Творбе“ 1935 года на то, что нельзя бороться против нацистского пангерманизма так, как боролись французские шовинисты во время первой мировой войны.²⁶ Они большей частью отказались в 30 г. во многом от этой своей концепции. В Ан-

гли даже было разрешено способствовать росту симпатий к нацистам и к их „восточным планам“, направленным, прежде всего, против славянских народов. „Совершенно рассудительные передовые люди Великой Британии уже с 1930 года считали, что, в самом деле, в споре с судетскими немцами заключен конфликт, вызванный неуживчивостью славян.“ Полным правом жаловались чешские народные социалисты в 1936 году на факт, что некоторые французские публицисты „оправдывали“ свою позицию против пакта с Советским Союзом тем, что не хотели оказаться втянутыми в „поединок германцев со славянами“.²⁷

На Западе тогда в период 30-ых гг. указывали иногда тоже на результаты венгерской (Gyula Szekfű) и румынской историографии, которые анализировали „панславизм“ в смысле одного из главных виновников напряженного положения в средней и юго-восточной Европе.

В 1939—1941 годах на Западе опять заговорили о „агрессивном панславизме“. В 1943 году говорил шеф американской разведки Аллен Даллес с князем Гогенлоге (которого послал в Швейцарию встретиться с „мистр Булом“ сам Гиммлер!) о необходимости организовать „санитарный кордон“ против большевизма и „панславизма“. В английской военной публицистике некоторые авторы не скрывали антисоветскую позицию, пропагандируя планы на создание конфедерации в средней Европе. В противоположность этому Дж. Р. Гейре (G. R. Gayre) издал в Лондоне в 1944 году книгу с названием „Teuton and Slaw on the Polish Frontier“, в которой даже призывал к созданию какой-то „панславянской унии“ (состоящей из Польши и Чехословакии) против немецкой экспансии. Также Hugh Seton-Watson высказал в конце войны согласие с славянской взаимной солидарностью против Германии.²⁸ Также француз А. Муссе (A. Mousset) в книге „Le monde slave“ (Paris, 1946) занимал по отношению к славянским народам доброжелательную позицию. Однако в дальнейших изданиях (переработанное издание книги Муссе вышло в свет в Англии в 1950 году) персняли оба автора антисоветскую и антикоммунистическую позицию западно-европейской политики. Уже раньше западная печать обвиняла коммунистические партии Чехословакии, Югославии и Польши в „панславизме“. Мировая реакция уже в 1946 году была тревогу, предупреждая об „опасности славянского блока“.

Присоединялись тоже итальянские и греческие публицисты. Особенно в Греции многие авторы выразили (напр. Христофорос Х. Налтсас в книге „Македонский вопрос и советская политика“)²⁹ ненависть греческой реакции к Советскому Союзу, Болгарии и Югославии. Не только „коммунистический панславизм“, но и вообще славяне являются „врагами гелленизма“.

Разочарования и злоба западных империалистов в развитии в средней

и юго-восточной Европе в 1945—1948 гг. нашли свое отражение в новом интересе и в новом изучении „панславизма“, о котором начали писать польские и другие эмигрантские историки и публицисты в США. В. Ледницкий (Lednicki) дал в 1949 году обзор развития „панславизма“ как политической идеологии в сборнике „European Ideologies“ (издал Феликс Гросс — Gross — в Нью Йорке). Также Оскар Галецки (Halecki) обращал внимание на панславизм в книге „Borderlands of Western Civilisation“ (1952). В США очень интересовались „славянской идеологией“ в прошлом. Между тем как S. H. Thomson указывал на „панславизм“ и на западных славян только кратко в статье „Столетие призрака“ (Journal of Central Europa Affairs XII, 1951) дал Ганс Кohn (Hans Kohn — по происхождению пражский немец) всю историю „панславизма“ вплоть до 1948 года в книге „Panslavism. Its History and Ideology“ (Indiana, 1953). М. Б. Петрович (Petrowich) подчеркивал в специальном очерке „The Emergence of russian Panslavism 1856—1870“ (New York, 1956), что в 1941 году родилась „новая панславистская идея“; в этой книге проводятся параллели между царским и „советским панславизмом“.

Мы не имеем возможности дать содержание всех американских трудов, посвященных вопросу „панславизма“. По правде говоря, у нас нет до сих пор полного обзора монографий, тем менее журналов, которые издали в 50-х годах, например, американские университеты. Вкратце можно сказать, что в статьях о „панславизме“ обращается внимание на русские славянофилы и народники, ищется связь между народниками и нигилистами и Лениным, повторяется тезис о том, что Сталин „открыл“ в 1941 году „Всеславянский комитет“ и что, значит, появился „коммунистический панславизм“ итд. В роде „достоверного свидетельства“ приводится книга бывшего югославского политического деятеля М. Джиласа („Сусрети са Сталином“, впервые издана на английском языке в 1961 году). Джилас утверждает, что „панславистский комитет“ был „орудием советской политики“ и что обращал внимание „на более отсталые слои западных и южных славян“. Джилас клеветает на „Всеславянский комитет“ как на „безнадежное учреждение“, которое, дескать, было „делом поверхностным“.³⁰

Мы указываем здесь прежде всего на специальные публикации — не имело бы, конечно, смысла перечислять здесь имена продажных эмигрантов средней и юго-восточной Европы, которые на Западе „отказались от панславизма“ и посредством своей эмигрантской централи „Antikomunistischer Bund der Nationen“ распространяли в западном мире клевету о „агрессивном“ характере славянской взаимности. Советский Союз, де, злоупотребил этой идеей во время Второй мировой войны в целях реализации своих империалистических планов в Европе.³¹ Необходимо сказать, что западная политическая публицистика (американская, английская, фран-

цузская, бельгийская, итальянская) перенимала в 50-х гг. взгляды западно-германских авторов об „агрессивном славянстве“.

Западно-германские политические и специальные публицисты (историки, юристы, географы) стремятся маскировать то обстоятельство, что их работы об истории и жизни славянских народов и вообще о положении в средней и восточной Европе служат ревизионистским и реваншистским целям боннских милитаристов. Некоторые историки даже попытались объективно рассмотреть проблематику более раннего периода истории славянских народов (напр. Н. Ludat). Однако, опять организованное „изучение востока“ — Ostforschung — имеет в западной Германии совершенно ясные политические цели готовить и поддерживать цели западногерманских империалистов.

Старые и новые „остфоршеры“ выдвигали вскоре после войны положение об империалистическом московском панславизме (W. Markert), причем в истории России они усматривали „сплошной деспотизм“ начиная с опричников вплоть до наших дней. (G. Thim). В западной Германии писали, что „Panslawismus ist eine Weltgefahr“ и вводили терминологию „советско-славянский империализм“ (Hubatsch). Доказать эту „советско-славянскую агрессию“ во время Второй мировой войны является целью многотомного собрания „документов“ о „сградании“ немецких меньшинств (т. е. гитлеровской пятой колонии в средней Европе), названное „Dokumentation zur Vertreibung der Deutschen in Ostmitteleuropa“.

„Панславизм“ в период Второй мировой войны, значит, приписывают прежде всего Советскому Союзу и даже Сталину, который, де, „придумал“ в 1941-ом г. Всеславянский комитет. Однако, между тем как В. Маркерт утверждал, что этот „вновь вызванный к жизни панславизм“ в Москве влиял главным образом на чехов, некий Р. Эльснер (R. Elsner) в своей публикации „Gesamtdeutsche Politik. — Deutschland, Russland und Polen“ (Göttingen, 1957) главным образом обвинял Польшу как „первого борца за панславизм“. Тоже некоторые другие западно-германские авторы делали подобные заключения о поляках — вероятнее всего на основе сочинений старого польского генерала Л. Желиговского с 1943-ьего г. — В. Якш (W. Jaksch) доказывает в книге „Europas Weg nach Potsdam“, что Сталину, который возился с „фантомом панславизма“, значит с мыслью образовать „славянский блок“, верил главным образом Бенеш. Другой „остфоршер“ (известный с нацистского периода) Ганс Кох утверждал (в сборнике „Das östliche Deutschland“, 1959), что современное разделение Европы и возникновение социалистических государств „старый заговор“, подготовляемый или Польшей, или Россией уже с 18-ого века.

Наряду с этими положениями и одновременно с этими бессмысленными теориями о „панславизме“ выдвигаются в западно-германском „изучении

востока" лозунги о единстве „Абендланда“, к которому принадлежат хотя бы западные славяне. Пишет о том австрийский историк Йозеф Матл, автор многих статей о „панславизме“. Немецко-славянскую „общность судьбы“ доказывал в 1952-ом г. и Ф. Гаузе (F. Gause) и даже известный профессор Кейзер (Keiser); проф. Ганс Ротфельс (Rothfels) напоминал в свою очередь „положительные отношения между немецким востоком и славянским западом“. Подготавливая „восстановления исторической Европы“, значит, отторжение социалистических стран от Советского Союза, западно-германские представители готовы снова „принять“ западных славян в „Абендланд“. Некоторые „исследователи востока“ даже готовы признать „европейский характер“ и самой России но не „Советской России“ (G. Rauch, R. Witram). При том, однако, эти авторы и в дальнейшем утверждают, что необходимо исследовать русско-европейскую проблематику наряду с вопросом „реевропеизации“ России и с вопросом „русской экспансии“.

Западно-германские реваншисты подбирают попеременно аргументы от тех или иных „остфоршереров“ и вытаскивают или зная „спасения Европы“ от „славяно-советской агрессии“, или по мере надобности говорят о „дружеских отношениях“ между немцами и западными славянами, которые установятся в Европе „без границ“ — однако, „после свержения коммунизма“. Так говорили на так называемом „международном совещании“ в Чикаго в марте 1962-ого г., посвященном вопросам западного Берлина и „будущему восточной Европы“.

Хотя судетонемецкие реваншисты тоже говорят о „Европе без границ“, однако и в дальнейшем претендуют на „право на родину“. „Исключительно ‚славянская Чехия‘ осталась бы препятствием объединения Европы“ — написал В. Якш (W. Jaksch) в конце мая 1963 года в „Судетендейтше Цейтунг“ (Sudetendeutsche Zeitung) „панславизму какого-либо рода была бы таким образом дана возможность оказывать давление на Австрию, Румынию, Венгрию и Польшу(?)“.

Я попытался указать на некоторые взгляды западно-германского так называемого „изучения востока“ славянских народов, или же „панславизма“. Вкратце можно сказать, что современный остфоршунг (Ostforschung) должен был в этом направлении „модернизироваться“, отказаться от нацистских расистских теорий и снискать симпатии империалистического Запада своим антикоммунизмом. Лозунг о „неполноценности поляков“, выдвигаемые в ГФР вскоре после войны в трудах о Силезии, встречаются теперь, главным образом, в публицистике силезийских „земляков“ (ландсманшафтов“) и в многих школьных учебниках по истории и географии о так называемом Осткунде, содержание которых пропитанно явным реваншизмом.

Надо добавить, что тоже в западной Германии публикуются работы, авторы которых смотрят довольно объективно на прошлое и настоящее славянских народов и на их взаимные отношения, критически относятся к истории Германии не только нацистской эры (Dahlin), но и периода Первой мировой войны (F. Fischer), или вообще периода последних 150 гг. (Golo Mann).

*

Содержание указанных публикаций (разумеется, мы могли дать только краткий перечень) дает некоторые импульсы и темы, которые могли бы войти в план будущей синтетической истории идеи славянской взаимности с конца 18 века вплоть до первых лет после окончания Второй мировой войны. Здесь, в первую очередь, это вопрос о возникновении „панславизма“, под которым старшая немецкая литература подразумевала каждое выражение славянской культурной взаимности. С вопросом о содержании „панславизма“ неразрывно связан вопрос о „русской опасности“, мнимо угрожающей тогдашнему немецкому миру (Пруссии и Австрии), или же также западной Европе. Интересовалась ли вообще Россия славянскими народами, с каких пор? И наоборот. Как воспринимались некоторые усилия славянских народов приобрести в западной Европе помощь против национального гнета? Можно ли считать решенным вопрос о связи между разными „славянскими программами“ и великогерманским шовинизмом? Смысл этой связи выражают, например, слова Вацлава Копецкого в его книге „ЧСР и КПЧ“ (в связи с оценкой участия чехословацких коммунистов в Общеславянском комитете в Москве в 1941—1945 гг.): „История подтверждает, что идея солидарности славянских народов всплывала всегда, как только немецкие завоеватели выступали в поход, так как немецкие завоевательские походы были направлены в средней и восточной Европе всегда против чехов, словаков, белорусов, украинцев и русских и на юге Европы против народов Югославии, против словенцев, хорватов, сербов и также против болгар“.³² Последняя работа Ганса Кона „The mind of Germany“ (1961) дает из истории немецкой идеологии более чем достаточно убедительные аргументы о агрессивном духе правителей Германии 19 и 20 веков. Однако, Кон в своей ранее упомянутой работе о истории панславизма видел эту связь по другому: советский патриотизм 30 гг., де, брал в пример успехи национализма Гитлера!

Но можем ли мы объяснять славянскую взаимность только чешско-немецкими или словацко-венгерскими отношениями и не видеть при том консерватизм антинемецкого или антивенгерского русофильства „старочехов“ или „народняров“ в 80—90 гг.? Эти и другие им подобные вопросы возникают при исследовании как антиславянских, так и славянских авторов, которые

попытались дать синтез истории славянской идеи, начиная первыми статьями чеха Первольфа („Развитие идеи взаимности у славянских народов“ — 1869 года и трехтомное сочинение „Славяне, их взаимные отношения и связи“ — 1886 г., 1888 г. и 1893 г.), русского А. Пыпина („Панславизм в прошлом и настоящем“ — 1878 г. и „Литературный панславизм“ — 1879 г.), поляка М. Здзеховского (M. Zdziechowski, „Polscy messyjańści“), болгарина Й. Иванова („Славянската взаимност в борбите и съборите“, Български преглед, 1899; далее „Пангерманизъм, панславизъм и югославянският съюз“, София, 1902) и чеха З. В. Тоболка („Vývoj myšlenky slovanské ve věku novém na slovanském sjezdu“, 1901). Кроме того появилось много работ, в которых трактовалась славянская взаимность более узко, т. е. как отношения и связи между отдельными славянскими народами. Эти работы касались более всего области культурных связей и охватывали прежде всего период первой половины 19 века (напр., сборник о Колларе в 1897 году). Синтез славянской взаимности первой половины 19 века дал югослав Милан Прелог в книге „Slavenska genesansa 1800—1848“. У нас сразу после первой мировой войны писал о славянской идее Адольф Черный. Общее объяснение „славянских программ“ попытался дать Эдуард Бенеш в „Проблемах славянской политики“ (Slovanský přehled, 1925—1926), которые являются для нас одновременно материалом для изучения чехословацкой „славянской политики“ в послевоенные годы. Бенеш в них снес некоторые новые доказательства об австрофильском и реакционном характере неославизма Крамаржа на основе документов австро-венгерского министерства иностранных дел. Бенеш сделал это, наверно, с удовольствием — против своего политического противника Карела Крамаржа, защищавшего свою довоенную „славянскую политику“ в книге „Пять лекций о внешней политике“ (1922 г.) и особенно в книге „Защита славянской политики“ (1926 г.).

В 1926 году издал чех М. Вейнгарт (Weingart) собрание своих университетских лекций в брошюре „Slovanská vzájemnost“, в которой, в сущности, повторил уже известную схему „течений“ славянской взаимности (романтический славизм, илиризм, австрославизм, славянофильство, неославизм) и сверх того он еще сделал комплимент научному пониманию „славянской программы“ Т. Г. Масарика и его учеников. В более широких связях показал основные славянофильские программы, выработанные в Чехии и в других странах, Шуста (J. Šusta) в „Истории Европы“ и в „Мировой политике 1871—1914 гг.“. Много интересного материала о чешском и словацком славянофильстве собрал Ирасек (J. Jirásek) в четырехтомном синтетическом труде „Россия и мы“.

Среди иностранных славянских авторов заслуживает внимания Ж. Кларнерувна (Ż. Klarnerówna, Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800—

1848, 1926) и Г. Батовски (H. Batowski, Słowiańska wzaimność, 1930). В Югославии издал М. Прелог еще одну работу, посвященную „путешествию в Москву“ и Фердо Шишич дал в книге „Югословенска Мисао“ (Београд, 1937) историю идеи единства южных славян. О той же теме писала в Чехии М. Паулова (Paulová).

Делались даже попытки создать единую „историю славян“. Древнейшую историю славянских народов можно было излагать в „целом“, как это делали первые славянские авторы начала 19 века. Их толкование происхождения славян, однако, было иногда наивным или полным фантазии. Кроме того, эти работы, особенно польские (написанные по-французски) помогали внушить западной Европе представление о „единстве славян“.³³ Более поздняя двухтомная „История славян“ (Historia Słowian, 1888—1889) поляка Богуславского была уже построена на основе изложения истории отдельных славянских народов. Чешский позитивистский историк Й. Бидло попытался представить историю славян „как одно целое“ в известном сборнике „Slovanstvo“ в 1912 году и позже в книге „История славян“ (Dějiny slovanstva). Я. Славик, который подверг „Историю славян“ Бидло едкой критике, дал в 1935 году новые предложения на обсуждение в дискуссии о возможности единого взгляда на историю славян.³⁴ Его выступление относится к периоду новых проектов „целостной“ истории восточной или средней и юго-восточной Европы, с которыми выступили польские историки О. Галецкий и М. Гандельсман (Handelsman), чех Бидло и др.

Буржуазные историки понимали славянскую взаимность главным образом как вопрос о культурных связях между славянскими народами и преимущественно занимались более ранним периодом. Понятно, что свою тему рассматривали неклассово, занимая „национальные“ позиции. Хотя в Чехии А. Черный (Černý) критиковал в небольшой работе „О славянской взаимности в настоящее время“ (1906) симпатии Крамаржа в царизме, но только после первой мировой войны сумел Зденек Неедлый объяснить в своих многочисленных статьях наличие двух течений в нашем русофильстве и славянофильстве.³⁵

Раньше в специальной литературе обращали мало внимания на демократическую линию нашего славянофильства. В период до Второй мировой войны писал В. Чейхан (Čejchan) о Бакунине и В. Жачек (Žáček) об отклике польского восстания 1863 года. Поэтому нельзя удивляться, что передовая эмигрантская публицистика времени Второй мировой войны в Москве (Неедлы, Шверма, Копецки) в статьях о солидарности славянских народов могла опираться на основные тезисы о прошлом междуславянских связей. Работа Бенеша „Размышления о славянстве“ (Úvahy o slovanství) издана в Лондоне 1944 года (второе издание в Праге 1947 г.) опиралась на более ранние „Проблемы славянской политики“.

В обзоре авторов работ о славянской проблематике в период до мюнхенского заговора отсутствуют представители нашей официальной славистики. Несомненно внесли вклад в пропаганду идеи славянской взаимности и солидарности, напр., труды Вольмана. Припомним здесь еще сборник „Славянская взаимность“, изданный в 1938 году по случаю 100-ой годовщины издания трактата Коллара „О литературной взаимности“. Философы попытались установить основные черты „славянского характера“ (Тврды в третьем томе сборника „Славяне. Культурная картина славянского мира“ — 1929 г.) и Ф. Пеликан в „Философском движении“ — 1933 г. (Ruch filozofický, 1933).

В послевоенный период было написано много малых и больших статей о славянстве или о славянской политике, в которых авторы, как правило, пытаются в введении подытожить историческое развитие „славянской идеи“. В разных научно-популярных работах содержались основные данные о „славянском мире“ — иногда, однако, дилетантски составленные. У нас, напр., В. Мелихар издал обширную публикацию „Мир славянский — наш“ (Svět slovanský je náš), в которой пытался примирить буржуазные представления о славянстве прошлого с современной „славянской эрой“ и с восхищением к Советскому Союзу, при чем в исторической части опирался то на труды Вейнгарта, то на работы Бенеша. (Деятельность Общеславянского комитета в Москве во время войны он подводит под девиз „новой панславистской идеи“!) Бóльшей частью авторы более обращали внимание на прошлое, между тем как о периоде Второй мировой войны упоминали кратко. Это относится и к сборнику лекций брновских университетских профессоров „Славянская идея в чешской национальной жизни“ (Slovanství v českém národním životě) с главной статьей Й. Мацурека („Славянская идея в чешской политической жизни“).³⁶ 100-ая годовщина пражского славянского съезда обращала внимание исследователей на 1848 год (Жачек, Мацурек).

Монографическое изучение отдельных периодов или проблем³⁷ междуславянских отношений развернулось только с началом 50-х годов; постепенно исследовательская работа охватывала все более близкие к настоящему периоды и новейший период истории. В настоящее время у нас уже относительно хорошие знания о чехословацко-русских (чехословацко-советских), чехословацко-болгарских и чехословацко-польских взаимоотношениях. Советская историография обращает большое внимание на деятельность славянских обществ в России во второй половине 19 века и особенно же на проявления боевого сотрудничества славянских народов в период Второй мировой войны. В последние годы было положено начало изучения также отношений рабочего движения к русофильству или славянофильству вообще.

Прежняя историческая литература следила за выражениями „славянской идеи“ прежде всего в области культурных отношений или связей. Тем не

менее, прежние работы касались также политической области в более широком смысле (работы о славянском съезде 1848 года, о „путешествии в Москву“, об откликах на польское восстание 1863 года, о Бакунине). Правильно указывалось на факт, что отношения наших народов к славянской идее носило всегда сильно политический характер. Однако ни у нас, ни, тем более, у поляков, славянская идея (начиная с второй половины 19 века) не была главным содержанием политических идеологий или программ чешской или словацкой, хорватской или словенской, сербской или болгарской буржуазии. Буржуазный славизм не был ни в чешских землях, ни в других странах какой-то особой („самостоятельной“) идеологией. Речь шла о более или менее ясном или сильном национализме тех или иных политических групп буржуазии и мелкой буржуазии, которые „идеей славянства“ выражали (или прикрывали!) свои классовые интересы в области внешней политики (до 1914 года) и внутренней политики (после 1918 года антисоветские и антикоммунистические цели).

Если мы говорим, что „славянство“ („slovanství“, „slawizm“) является составной частью или формой национализма, потом это значит, что мы приступаем к изучению и оценке „славянства“ с точки зрения основных научных положений марксизма-ленинизма о национальном вопросе. Мы осознаем, однако, при этом, что исследование вопросов национализма и особенно его отдельных частей и форм очень трудно. Вопрос особенно нелегок, когда речь идет о положениях, в которых связь конкретного национализма с общественным прогрессом осложнен существованием, наличием другого национализма. Буржуазная историография или осложняет решение этих обстоятельств (подчеркивает „иррациональные“ аспекты в национализме) или приступает к ним односторонне, исключая отношение между национализмом и общественным прогрессом.

Марксистическая историография, наоборот, критиковала с „классовых позиций“ национализм своих народов, исходя из оценки Энгельса (1849) славянских и других поработанных народов средней и юго-восточной Европы (за исключением поляков) как народов менее „исторических“ и главным образом „контрреволюционных“. Только в более позднем периоде марксистическая историография брала во внимание дальнейшие замечания Маркса, Энгельса и главным образом Ленина о том, что славянские народы вгоняла в объятия контрреволюции (1848—1849) не только политика „домашних“ внутренних реакционных сил, но и политика представителей „революционных“ народов. Далее марксистическая историография исходила при оценке национального вопроса из учения Ленина о правящих и поработанных народах и из формулировок Ленина задач революционных классов обеих „групп“ наций. Однако ни обобщение знаний о мере исторической ответственности представителей правящих и великих народов

как в отношении к общественному прогрессу, так и к национальным нуждам поработанных и малых наций, не смогло всегда помешать неправильному, т. е. националистическому аспекту при оценке малых наций. (Автор этой книги при чтении корректуры осознает, что вероятнее всего и в его книге переживают некоторые тенденции более или менее националистической „апологетики“ во взглядах на поработанные славянские народы.)

Некоторые современные буржуазные историки, пользуясь „социологическими“ методами, ищут исходный пункт при решении сложных вопросов отношений национализма отдельных народов (прежде всего средней и юго-восточной Европы) в том, что указывают на отрицательные следствия национализма для дальнейшего развития общественного прогресса и увеличивают „иррациональные“ моменты в национальных движениях или считают определенные выражения национализма „фикцией“. В некоторых случаях считают „фикцией“ тоже „славянство“, которое буржуазная историография упрекает за то, что оно не изображает никакую объективную действительность. Мы согласны с тем, что не существуют „славяне“, а отдельные славянские народы. (В нашей работе термин „славяне“ обозначает вспомогательное слово для обозначения отдельных или большинства славянских народов.)

Поскольку „славянство“ пропагандировало лозунги об „этническом единстве славян“, об „едином славянском языке“ было действительно фикцией, часто очень реакционной. Правду говоря, становилось, в конце концов, „фикцией“ даже то „славянство“, которое хотело только сотрудничества равноправных и независимых славянских народов. Демократически и революционно понимаемое сотрудничество прогрессивных слоев славянских народов вело, несомненно, к сотрудничеству тоже с неславянскими народами. Демократическое содержание „славянства“, в конце концов, отрицало свою первоначальную форму. Я хочу этим, короче говоря, сказать, что „славянство“ было своим демократическим содержанием, несомненно, ограничено временем и могло существовать только в определенное время, т. е. в перисдах „кризисов“ в истории развития большинства славянских народов. И именно в этих периодах „кризисов“, т. е. в очень важном времени для славянских народов „славянство“ (славянская взаимность) являлось необходимой и прогрессивной реальностью.

Долголетняя практика или условность дала некоторым главным понятиям исторической славистики определенное конкретное содержание — напр., термину „славянская взаимность“ в области культурных отношений в период первой половины 19 века. Бóльшей частью, однако, употребляют термины „славянская идея“, „славянское сотрудничество“, „славянская солидарность“, без более конкретного определения содержания этих понятий

в той или другой период. Поэтому полным правом указывают в последнее время на необходимость точной терминологии в нашей исторической славистике.³⁸ Не идет, однако, речь о том, дать какие-то точные определения, которые возможны в исторической науке только при формулировании основных закономерностей общественного развития.

Я сам понимаю термин „идея славянской солидарности“ как представление или взгляд и потом как программу сотрудничества (совместного движения) славянских народов (отдельных групп) с целью достичь выполнения определенных национально-политических требований. Идея славянской солидарности не была и не могла стать какой-то целостной „идеологией“, но была прежде всего девизом, способствующим развитию национально-освободительной борьбы угнетенных славянских народов в 19 веке и пробуждающим с 30-ых годов нашего века народ славянских стран к обороне против фашизма, против опасности нацистской агрессии; во время оккупации была идея славянской солидарности важным средством укрепления единства славянских народов в рамках антигитлеровской коалиции. Может быть, мы могли бы считать идею славянской солидарности категорией идейной и политической жизни славянских народов (его прогрессивных групп) в период с половины 19 века, когда существовали или объективно образовались общенациональные задачи поработенных славянских народов и когда рождалась нужда и возможность общего движения прогрессивных сил нескольких славянских народов.

Я попытаюсь объяснить возникновение идеи славянской солидарности и оценить ее значение главным образом в период между двумя мировыми войнами и в период Второй мировой войны, или же также после ее окончания — а именно в рамках краткого обзора „славянских программ“. Я хотел бы внести вклад в „идеологический“ аспект междуславянских отношений и познать одну из составных частей политического мышления членов славянских народов 20-ого века.

*

Я знаю, что предлагаемая мною работа является пока что только попыткой создать синтетическую картину „идеологического“ аспекта междуславянских отношений и связей. Окончательная научная оценка целого комплекса вопросов, которых я касаюсь, требует гораздо более широкого сбора материала не только по отношению отдельных проявлений „славянской политики“, но и по конкретным фактам междуславянских политических связей, на основе которых возможна более точная оценка значения (силы или слабости, успехов или неудач) идеи славянской солидарности. Далее необходимо более подробное изучение внутреннего и международного поло-

жения отдельных славянских народов и их взаимное сравнение (общественная структура отдельных народов, значение крестьянского или национального вопроса, ориентация буржуазных групп и т. д.), о необходимости и возможности проповеди и осуществления солидарности славянских народов.

Как видно из содержания работы, я резюмирую в первой и второй главах (которые являются введением) буржуазный и демократический славизм до 1918 года. Я мог опираться на очень обширную более раннюю и более новую чешскую и иностранную литературу, при чем я попытался на основе собственного исследования дополнить данные о некоторых этапах и формах развития буржуазного славянофильства (напр., Кирилло-мефодиевский славизм) и наметить отношение рабочего класса к идее славянской солидарности. Ядром работы является третья и четвертая главы. Об этом периоде (особенно о периоде 1918—1939) до сих пор нет никакой работы. И монографическое исследование об отношениях наших народов к Советскому Союзу не завершило основную эвристику. В последней (четвертой) главе намечено развитие после 1945 года только в основных чертах. Здесь будет необходимо провести более обширный сбор материала, чем это было можно сделать автору предлагаемой работы.

Основными источниками моей работы были прежде всего разные публикации и статьи представителей или „создателей“ отдельных „славянских программ“ (и славянофильских проявлений вообще), далее ежедневная и культурно-политическая печать (60-ые—70-ые годы, 1900—1914 гг., 1917—1921 гг., 1933—1938 гг., 1942—1944 гг., 1945—1948 гг.). Характер работы позволил отказаться от более подробного архивного исследования: после 1918 года личная переписка политиков и культурных деятелей не имеет уже такого значения как до 1914 года и официальная информация о настроении жителей уже не обращает внимание на „славянскую идею“, которая была при Австро-Венгрии „антигосударственным“ явлением. Для периода оккупации я мог опираться на некоторые печатные источники и на цитаты документов из литературы (о чехословацко-польской конфедерации, о настроениях нашего народа из документов оккупантских органов, наших корреспондентов лондонского эмигрантского правительства и т. п.). Однако, необходимо будет дальнейшее изучение архивов Общеславянского комитета в Москве и Общего славянского комитета в Белграде, больше можно извлечь из нелегальных печатных материалов (издаваемых во время оккупации), из материалов общегосударственных дискуссий, предшествовавших первым послевоенным (после 1945 года) съездам коммунистических партий и т. д.³⁹

- ¹ A. Šnejdárek, Křišení strašáka panslavismu, Historický časopis 1960/2—3.
- ² V. Král, Die Vergangenheit warnt. Prag 1960; V. Král, Pravda o okupaci, Praha 1962; Cz. Madajczyk, Generalna Gubernia w planach hitlerowskich, Warszawa 1961.
- ³ J. Orlik, Opavsko a severní Morava za okupace. (Z tajných zpráv německých okupačních úřadů 1940—1943.), Opava 1961.
- ⁴ Z bojů za svobodu a socialismus, Praha. — Historický časopis 1960/2—3; Slezský sborník 1950/4.
- ⁵ Slovanský přehled 1952; Historický časopis 1960, 2—3.
- ⁶ H. Kohn, Geschichte des Panslavismus, Wien 1956.
- ⁷ B. Šmeral, Historické spisy, Praha 1961.
- ⁸ Ю. В. Гарле, Крымская война I (Москва 1950), стр. 32.
- ⁹ J. Kollár, O literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečními slovanského národu (Bratislava 1937).
- ¹⁰ O. Halecki, Grenzraum des Abendlandes, Salzburg 1957.
- ¹¹ J. Jirásek, Rusko a my (Brno 1945), I, 176—177.
- ¹² J. E. Vocel, Časopis českého muzea 1849/IV, 144.
- ¹³ Надо, однако, признать, что газета Augsburger Allgemeine Zeitung позволила Воцелу ответить. — Й. Т. Фаллмерайер затем в АА напечатал статью о том, что вероятно, ближайшее будущее принадлежит славянам. — В большинстве случаев, однако, газета АА доказывала, что чешские страны „древненемецкие“ и что, поэтому, они принадлежат „Германии“.
- ¹⁴ J. Heidler, Čechy a Rakousko v politických brožurách předběžných, Praha 1920, 137 až 148 (глава „Otázka slovanská“). — Опасения „панславизма“, т. е. „универсальной славянской империи“, до 1848 г. опровергались графом Туном и Фр. Челаковским. В 1843 г. Челаковский написал: „Об этом панславизме, названном привидением, уже в Германии и Франции говорить начинают; может быть, эта глупость заразная.“ (Heidler, 140.) Челаковский одновременно обращал внимание на тот факт, что приблизительно в 1843 г. часть молодой чешской интеллигенции „загорелась идеей политического объединение славян“. — Ф. Ц. Кампелик (1841 г.) среди славянских студентов в Вене предлагал карту федерации славянских равноправных республик (S. Podlipská, Z let probuzení. Paměti a korespondence B. Rajske 1839—1844, Praha 1872, 53—54.)
- ¹⁵ Kohn, 96. (J. Howes Gleason, The Genesis of Russophobia in Great Britain, Cambridge 1951.)
- ¹⁶ E. Birke, Frankreich und Mitteleuropa im 19. Jht., Köln—Granz 1960.
- ¹⁷ Маркс — Энгельс, Сочинения, т. 8. („Революция и контрреволюция в Германии“), т. 11 („Германия и панславизм“). — Энгельс здесь думает (на основе неподтвержденных изречений), что „панславизм намерен ликвидировать все созданное в течение тысячелетней истории“. Marx—Engels—Lenin, K dějinám Československa, II, 18.
- ¹⁸ Крушка Шарова, Карл Маркс и Фридрих Энгельс за развитието на южните Славяни и на българския народ. Исторически преглед 1949—1950, София.
- ¹⁹ W. Liebknecht, Zur orientalischen Frage oder soll Europa kosakisch werden?, Leipzig 1884.
- ²⁰ H. Kohn, Propheten ihrer Völker, 52—90.
- ²¹ В мнимом завещании, наоборот, Гарибальди упрекал Россию в том, что она не создала свои задачи в славянском мире. Чехам он желал чехословацкой федерации с резиденцией в Праге и на юге Европы он хотел видеть другую славянскую конфедерацию

- с резиденцией в Царьграде! (R. A. Amis, Politická závět generála Giuseppe Garibaldiho, Praha 1906.)
- ²² В чешских ежедневных газетах печатались тогда некоторые рассуждения Генри Мартина.
- ²³ В 1895 г. появилась в Берлине анонимная брошюра „Germania triumphans“, в которой приводились „события 1900—1950 гг.“ Германия, де, разгромит до того времени Россию и захватит Украину и южную Россию; Австрия, де, получит Бессарабию и Балканский полуостров.
- ²⁴ Честным исключением явились воззрения Кошута, касающиеся не только чешских стремлений договориться, но и русской дипломатии. Кошут, говорят, об этом высказался следующим образом: „Я сам всегда и неустанно буду утверждать: лучше Россия чем Австрия.“
- ²⁵ Birke, Frankreich u. Mitteleuropa, 347.
- ²⁶ K. Koptá d, Tvorba 1935, 362. — Напомним главную идею книги Лэжера: „Нам (т. е. французам) нужна многочисленная славянская федерация, опирающаяся, с одной стороны, на Францию, с другой стороны, опять на Россию...“ (стр. 106). Славяне должны были (по Лэжеру) организоваться не только из-за себя самих, но из-за необходимости защиты от немцев... „Поэтому Польша должна овладеть всем течением Вислы... и Пруссией с Кёнигсбергом... Немцы могут вернуться на родину.“
- ²⁷ H. J. Laski, Úvahy o revoluci naší doby, Praha 1848, 7. „Protí Slovanům“, Sobota 1936, 402; „Německo a propaganda proti ČSR“, Sobota 1937, 121.
- ²⁸ Сетн-Вотси (Seton-Watson) создал, что „после этой войны в восточной Европе перед Россией будут стоять великие задачи“ и советовал румынам и венграм осуществлять „реальную политику“ по отношению к Советскому Союзу.
- ²⁹ Более подробно об этом в рецензии И. Снегарова, Антиславянска книга, която не служи на мира, Исторически преглед 1957, 6, 48—64. См. далее рецензию В. Паскалевой в „Известиях на Института за история“, 13 (София 1963), стр. 269—274.
- ³⁰ A. Djilas, Gespräche mit Stalin, 37—38.
- ³¹ The Fate of East Central Europe. Edited by S. D. Kartesz, Munich 1956. — Также авторы многочисленных предложений „среднеевропейской федерации“ занимались некоторыми аспектами „панславизма“. Также современные авторы западнонемецких „остинститутов“ уделяют внимание межславянским отношениям.
- ³² V. Корекский, ČSR a KSČ, Praha 1960.
- ³³ F. Wollman, Kdo nasugeroval Evropě mythus o jednotě Slovanstva? Sborník prací filozofické fakulty, C 8 1961, 348.
- ³⁴ Slovanský přehled 1935.
- ³⁵ Nejedlý, O lidovou republiku, I—II; Boje o Rusko.
- ³⁶ J. Macátek, Slovanská idea a dnešní skutečnost (Brno 1947); ČSR a SSSR. Pohled na dějinné styky čs.-ruské (Brno 1947).
- ³⁷ Польские а также советские исследователи уделяли большое внимание идеологии радикальных, т. е. революционных демократов (Бобиńska, Млынарски, Базылева, Ольшанский и др.). В Чехословакии занимались этими вопросами главным образом Карел Косик, Вацлав Жачек, Шамбергер, Бородовчак.
- ³⁸ Франк Вольман (Frank Wollman) печатает в журнале „Slovanský přehled“ (1948) предложение различать понятия „славянская взаимность“, „солидарность“, „содружество“ и т. п. В довоенных работах различал Вольман понятие „славянской идеи“ от конкретных политических программ, т. е. „славизмов“ (австрославизм, неославизм).
- ³⁹ Автор приносит искреннюю благодарность рецензентам его работы профессору Й. Мазуреку, доктору Эд. Шолле и доценту М. Гюблю (Hübl), далее доктору Я. Валенте

и своим сотрудникам из философского факультета Университета им. Я. Э. Пуркине за ценные примечания. Я сознаю, что не успел сработать все их замечания. Правду говоря, я не успел сработать всю доступную литературу после 1962 года, когда я в сущности окончил и отдал рукопись своей работы. При корректуре я попытался восполнить пробелы некоторыми данными из литературы последних лет.

Прошу читателей своей работы извинить меня за недостатки, возникшие при переводе личных имен и названий с латинского шрифта на русский.